

ОБРАЗОВАНИЕ АДРОННЫХ РЕЗОНАНСОВ С ALICE НА LHC

С. Киселев * от имени коллаборации ALICE

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва

Представлены результаты по короткоживущим адронным резонансам, недавно полученные в эксперименте ALICE при энергиях LHC: зависимости от размера системы и энергии столкновения спектров поперечных импульсов, выходов и отношений резонансных выходов к выходам долгоживущих частиц, факторов ядерной модификации. Результаты сравниваются с модельными предсказаниями.

Recent results on short-lived hadronic resonances obtained with the ALICE at LHC energies are presented. These results include system-size and collision-energy evolution of transverse momentum spectra, yields and the ratios of resonance yields to those of longer-lived particles, and nuclear modification factors. Results are compared with model predictions.

PACS: 14.40.–n; 14.20.–c; 25.75.–q

Образование адронных резонансов играет важную роль как в элементарных, так и в ядро-ядерных столкновениях. Поскольку времена жизни короткоживущих резонансов сравнимы со временем жизни поздней адронной фазы в столкновениях тяжелых ионов, измеряемые выходы чувствительны к регенерации и перерасеянию продуктов распада резонансов в адронной фазе. Эти конкурирующие эффекты исследуются путем измерения отношения выхода резонанса к выходу долгоживущего основного состояния как функции множественности заряженных частиц, образующихся в столкновении. В результате этих измерений можно получить информацию об интервале времени между химическим и кинетическим замораживанием. Измерения в pp - и p -Pb-столкновениях представляют собой эталон для ядерных столкновений и дают информацию для настройки генераторов столкновений, инспирированных квантовой хромодинамикой. Кроме того, некоторые тяжелоионные эффекты (эллиптический поток, усиление странности...) были неожиданно обнаружены и в малых системах.

С использованием данных, реконструированных с помощью детектора ALICE, получены результаты по короткоживущим мезонным $\rho(770)^0$, $K^*(892)^0$, $K^*(892)^\pm$, $f_0(980)$, $\phi(1020)$, а также барионным $\Sigma(1385)^\pm$,

---

* E-mail: Sergey.Kiselev@cern.ch

Моды распада и значения времени жизни [1] адронных резонансов со ссылками на статьи ALICE

Параметр	ρ^0 [2]	K^{*0} [3–15]	$K^{*\pm}$ [17–18]	f_0 [19–20]	$\Sigma^{*\pm}$ [21–24]	Λ^* [25–26]	Ξ^{*0} [21–23]	ϕ [3–14, 16]
Мода	$\pi\pi$	$K\pi$	$K_S^0\pi$	$\pi\pi$	$\Lambda\pi$	pK	$\Xi\pi$	KK
Время жизни, фм/с	1,3	4,2	4,2	~ 5	5–5,5	12,6	21,7	46,2

$\Lambda(1520)$ и $\Xi(1530)^0$ резонансам (далее ρ^0 , K^{*0} , $K^{*\pm}$, f_0 , ϕ , $\Sigma^{*\pm}$, Λ^* , Ξ^{*0}). Резонансы реконструировались по адронным каналам распада и имеют очень разные времена жизни, как показано в таблице.

Здесь мы представляем результаты, недавно полученные для K^{*0} в Xe–Xe при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ и pp при 5,02 ТэВ [15], для $K^{*\pm}$ в pp при 13 ТэВ и Pb–Pb при 5,02 ТэВ [18], для f_0 в p –Pb при 5,02 ТэВ [20], для $\Sigma^{*\pm}$ и Ξ^{*0} в pp при 13 ТэВ [23].

На рис. 1 показаны спектры поперечного импульса Ξ^{*0} , измеренные в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ и f_0 в p –Pb-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ для разных классов по множественности. В области $p_T < 4$ ГэВ спектры становятся более пологими при переходе от событий с низкой множественностью к событиям с высокой множественностью, тогда как при $p_T > 4$ ГэВ наклоны спектров одинаковы. Эти особенности наблюдались ранее для обычных адронов [27].

На рис. 2 представлены p_T -интегральные выходы dN/dy и средний поперечный импульс $\langle p_T \rangle$ для K^{*0} в зависимости от плотности множественности заряженных частиц. Для dN/dy новые данные для pp при $\sqrt{s} = 5,02$ ТэВ и Xe–Xe при $\sqrt{s_{NN}} = 5,44$ ТэВ находятся в согласии с общей тенденцией: выходы не зависят от системы столкновений и, по-видимому, определяются множественностью частиц в событии. В столкновениях pp и p –Pb $\langle p_T \rangle$ растет быстрее с увеличением множественности, чем в столкновениях Xe–Xe и Pb–Pb, что указывает на более быстрое расширение. Аналогичное поведение наблюдалось в работе [28] для заряженных частиц, и оно может быть объяснено как эффект пересоединения цвета между струнами, возникающими в многопартонных взаимодействиях.

На рис. 3, а показаны отношения выходов частиц K^{*0}/K в зависимости от плотности множественности заряженных частиц. Отношение выходов в различных системах столкновений демонстрирует плавную эволюцию с множественностью и не зависит от системы столкновений. Наблюдаемое уменьшение отношения можно объяснить перераспределением продуктов распада K^{*0} -мезона внутри адронной фазы [8]. Данные сравниваются с прогнозами моделей EPOS3, γ_S -CSM и HRG-PCE. HRG-PCE дает лучшее согласие с данными, EPOS3 с UrQMD качественно воспроиз-

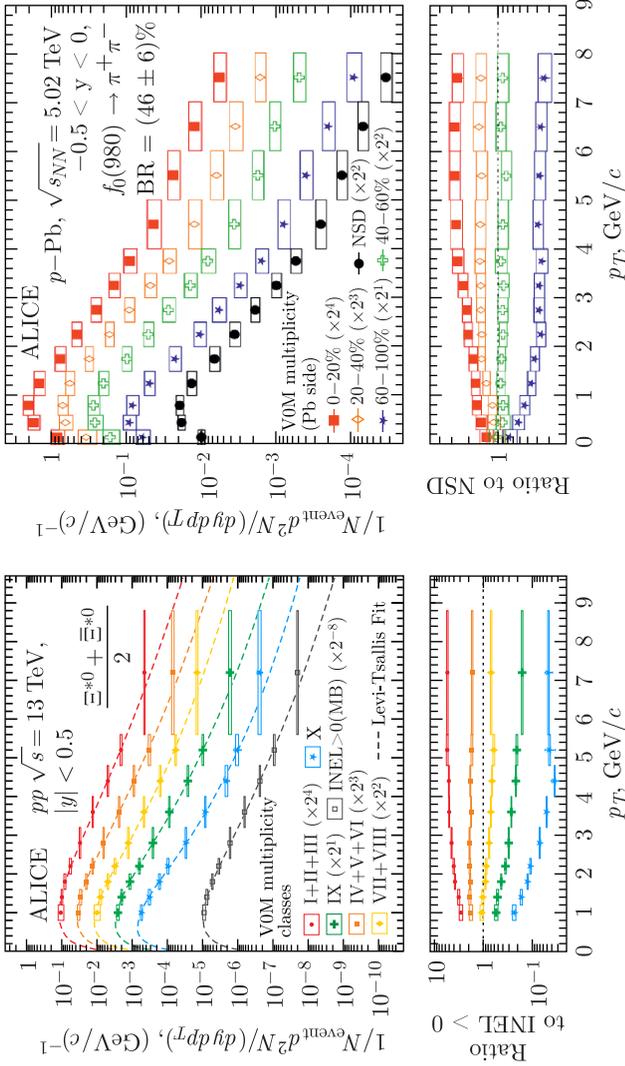

Рис. 1. Спектры поперечного импульса Ξ^{*0} , измеренные в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ (слева), и f_0 в p -Pb-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ (справа) для разных классов по множественности

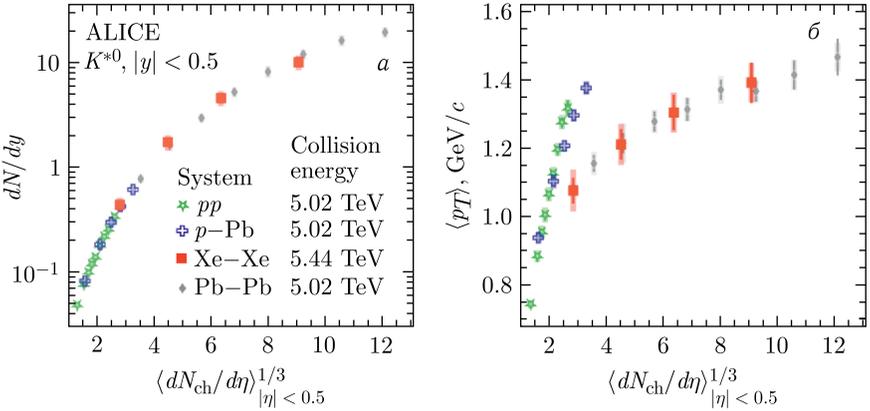

Рис. 2. p_T -интегральные выходы dN/dy (а) и средний поперечный импульс $\langle p_T \rangle$ (б) для K^{*0} в зависимости от плотности множественности заряженных частиц в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 5,02$ ТэВ и в Xe-Xe-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,44$ ТэВ. Также показаны предыдущие результаты для p -Pb- [5] и Pb-Pb-столкновений [12] при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ

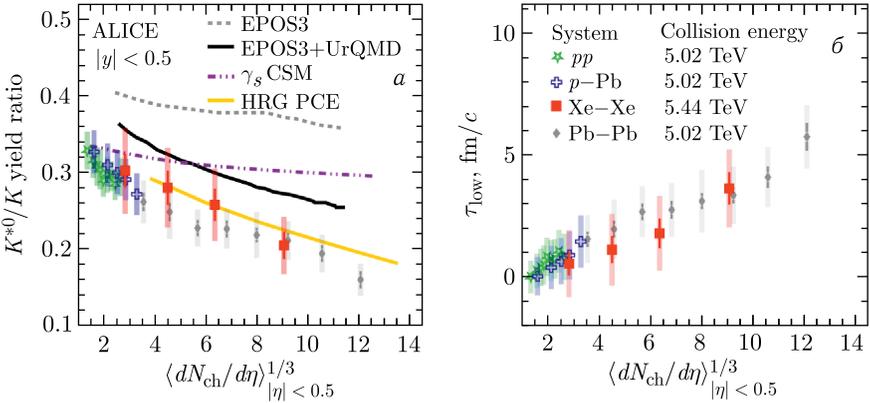

Рис. 3. Отношения выходов частиц K^{*0}/K (а) и нижняя граница времени жизни адронной фазы τ_{low} (б) в зависимости от плотности множественности заряженных частиц в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 5,02$ ТэВ и в Xe-Xe-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,44$ ТэВ. Также показаны предыдущие результаты для p -Pb- [5] и Pb-Pb-столкновений [12] при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ. Отношения выходов сравниваются с модельными предсказаниями EPOS3 [29] без и с UrQMD, γ_S -CSM [30] и HRG-PCE [31]

изводит зависимость от множественности, γ_S -CSM (эффекты перерасеяния не учитываются) не объясняет зависимость от множественности. Используя измеренные отношения и предположение об отсутствии регенерации K^{*0} в адронной среде, можно получить оценку нижней границы

времени жизни адронной фазы τ_{low} , т. е. времени между химическим и кинетическим вымораживанием (рис. 3, б). τ_{low} плавно возрастает с увеличением множественности и достигает ~ 5 фм/с.

На рис. 4, а приведена зависимость отношения $K^{*\pm}/K$ от плотности множественности в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ в сравнении с за-

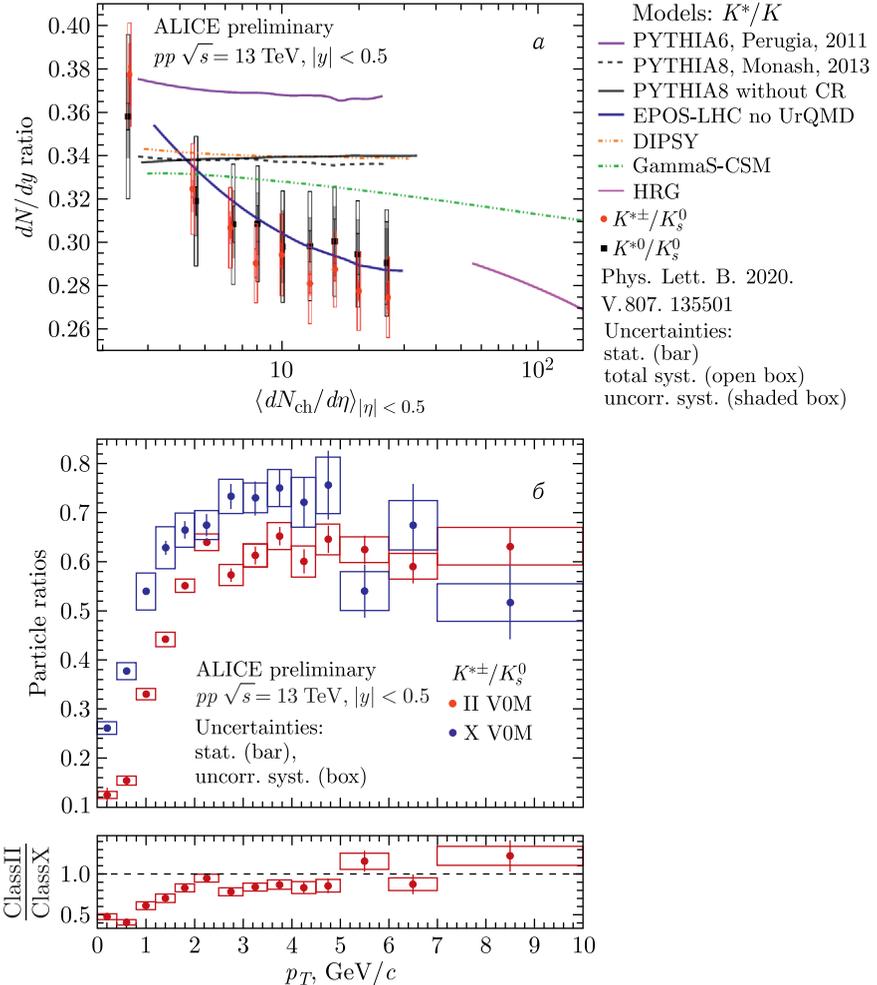

Рис. 4. а) Отношения $K^{*\pm}/K$ и K^{*0}/K_s^0 [9] в зависимости от плотности множественности заряженных частиц в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ. Также показаны предсказания моделей PYTHIA6 [33], PYTHIA8 [34], EPOS-LHC [32], DIPSY [35], γ_S -CSM (gammaS-CSM) [30] и HRG [31]. б) Отношение $K^{*\pm}/K_s^0$ в зависимости от p_T для классов с низкой (X) и высокой (II) множественностью

висимостью K^{*0}/K . Тенденция к снижению, уже наблюдаемая в анализе K^{*0} , подтверждается результатами для $K^{*\pm}/K$. Отношение $K^{*\pm}/K$ при наибольшей множественности ниже значения при наименьшей множественности и находится на уровне $\sim 7\sigma$ с учетом некоррелированных с множественностью неопределенностей ($\sim 2\sigma$ для K^{*0}/K). Этот результат представляет первое свидетельство явного подавления $K^{*\pm}/K$, измеренного в малых системах столкновений. Предсказания EPOS-LHC согласуются с данными измерений, хорошо воспроизводя тенденцию к снижению, в то время как PYTHIA6, PYTHIA8, DIPSY и γ_S -CSM завышают отношение при высоких множественностях и демонстрируют более слабую зависимость от множественности. Отношение дифференциального p_T -распределения $K^{*\pm}/K$ с высокой множественностью к распределению с низкой множественностью помогает в понимании наблюдаемого уменьшения отношения частиц (рис. 4, б). При $p_T \leq 2$ ГэВ/с двойное отношение $K^{*\pm}/K$ отклоняется от единицы более чем на 3σ , что указывает на доминантный процесс с низким значением p_T .

Отношения $\Sigma^{*\pm}/\Lambda$ и Ξ^{*0}/Ξ показаны на рис. 5. В новых результатах для pp -столкновений при $\sqrt{s} = 13$ ГэВ есть намек на рост отношения с увеличением множественности. Несмотря на близкие времена жизни, K^* и $\Sigma^{*\pm}$ демонстрируют разные тенденции с ростом множественности. Одна из дочерних частиц распадов $\Sigma^{*\pm} \rightarrow \Lambda\pi$ и $\Xi^{*0} \rightarrow \Xi\pi$ является долгоживущей частицей (Λ и Ξ), которая распадается вне адронной фазы. Перерассеяться может только π , и эффект регенерации становится более выраженным. Для более долгоживущих Ξ^{*0} , $c\tau = 21,7$ фм, эффекты адронной стадии менее важны. Модели EPOS-LHC и PYTHIA8 (с *core shoving*) предсказывают небольшое увеличение отношений.

На рис. 6 представлены отношения $\Sigma^{*\pm}/\pi$ и Ξ^{*0}/π . Видна плавная тенденция роста с увеличением множественности, которая не зависит

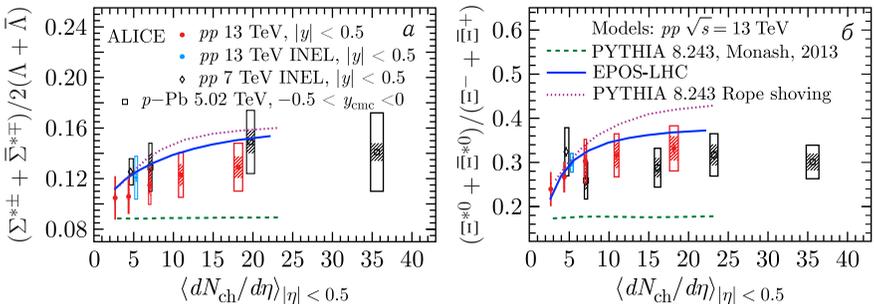

Рис. 5. Отношения $\Sigma^{*\pm}/\Lambda$ (а) и Ξ^{*0}/Ξ (б) в зависимости от плотности множественности заряженных частиц в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ в сравнении с предыдущими результатами для pp при $\sqrt{s} = 7$ ТэВ [21] и p -Pb при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ [22]. Показаны также предсказания моделей EPOS-LHC [33], PYTHIA8 [35] и PYTHIA8 (с *core shoving*) [37]

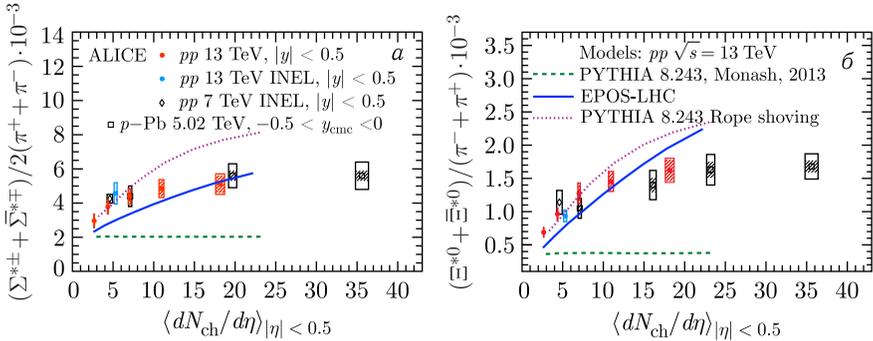

Рис. 6. Отношения $\Sigma^{*\pm}/\pi$ (а) и Ξ^{*0}/π (б) в зависимости от плотности множественности заряженных частиц в pp -столкновениях при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ в сравнении с предыдущими результатами для pp при $\sqrt{s} = 7$ ТэВ [21] и p -Pb при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ [22]. Показаны также предсказания моделей EPOS-LHC [33], PYTHIA8 [35] и PYTHIA8 (с rope shoving) [37]

от энергии и размера системы столкновений. Рост усиливается с увеличением странности S -резонанса: $S = 1$ для $\Sigma^{*\pm}$ и $S = 2$ для Ξ^{*0} . Эти результаты согласуются с данными предыдущих измерений отношений гиперонов к пионам ALICE [37]. EPOS-LHC и PYTHIA8 (с rope shoving) предсказывают рост отношения с увеличением множественности для этих резонансов.

Для исследования структуры f_0 данные новых измерений выходов f_0 сравниваются с выходами других адронов и резонансов с аналогичной массой. На рис. 7, а показано двойное отношение выходов частиц к выходам пионов в зависимости от множественности в p -Pb-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ. Усиление странности с увеличением множественности могло бы объяснить рост с увеличением множественности отношения ϕ/π . Отношение K^{*0}/π демонстрирует конкуренцию между усилением странности и эффектом перерасеяния. Подавление f_0/π указывает на эффект перерасеяния, который в основном влияет на выход при низком значении p_T (рис. 7, б). Отношение дифференциальных p_T -распределений f_0/π не демонстрирует характерного увеличения отношения барионов к мезонам, что указывает на структуру с двумя составляющими кварками для резонанса f_0 . Модель γ_S -CSM качественно воспроизводит соотношение ϕ/π и завышает отношение K^{*0}/π . Предсказания отношения f_0/π ближе к значениям данных в гипотезе с нулевой скрытой странностью $|S| = 0$.

На рис. 8 показан фактор ядерной модификации Q_{pPb} для f_0 как функция p_T в p -Pb-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ для разных классов множественности. Для Q_{pPb} не видно усиления, подобного усилению Кронина ($Q_{pPb} > 1$). Поскольку барионы демонстрируют усиление, подобное кронинговскому, а мезоны практически не подвергаются

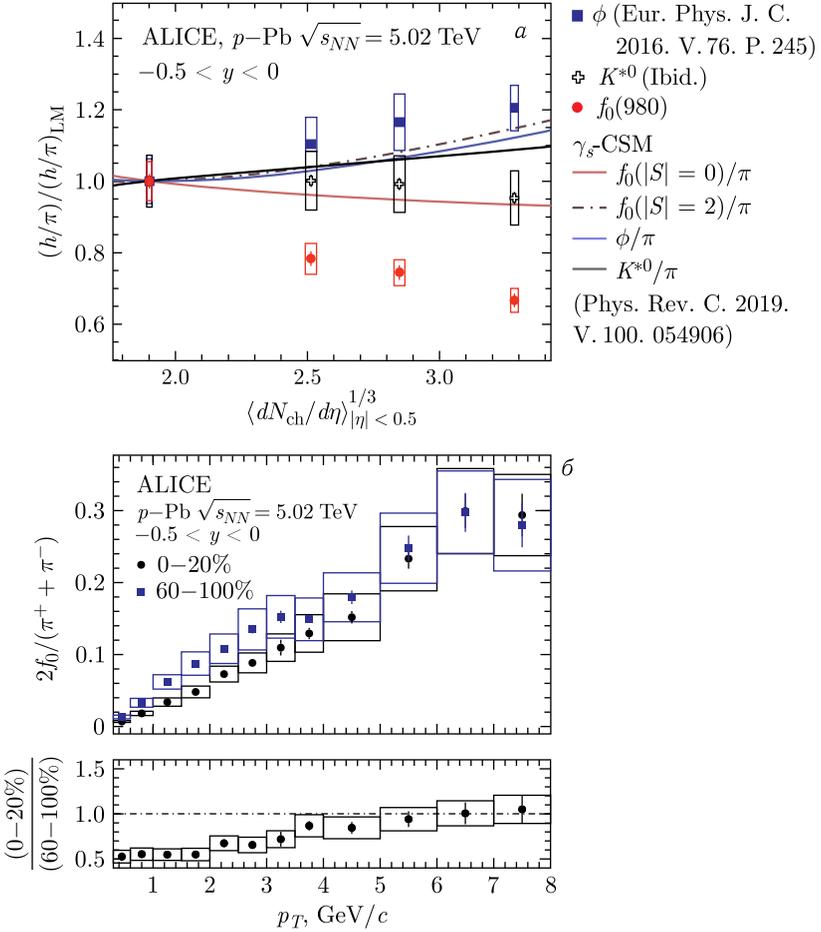

Рис. 7. а) Двойное отношение выходов частиц к выходам пионов в зависимости от множественности в p -Pb-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ. Также показаны предсказания модели γ_S -CSM [30]. б) Отношение f_0/π в зависимости от p_T для классов с высокой (0–20%) и низкой (60–100%) множественностью

ядерной модификации [13, 39], можно предположить, что f_0 состоит из двух кварков. При малых значениях $p_T < 4$ ГэВ/с подавление f_0 становится более выраженным с ростом множественности. Это можно объяснить эффектами перерассеяния и радиального потока.

Таким образом, были представлены результаты по короткоживущим адронным резонансам, недавно полученные в эксперименте ALICE в столкновениях pp , p -Pb, Xe-Xe и Pb-Pb при энергиях ЛНС. Выходы K^{*0} не зависят от системы столкновений и, по-видимому, определяются

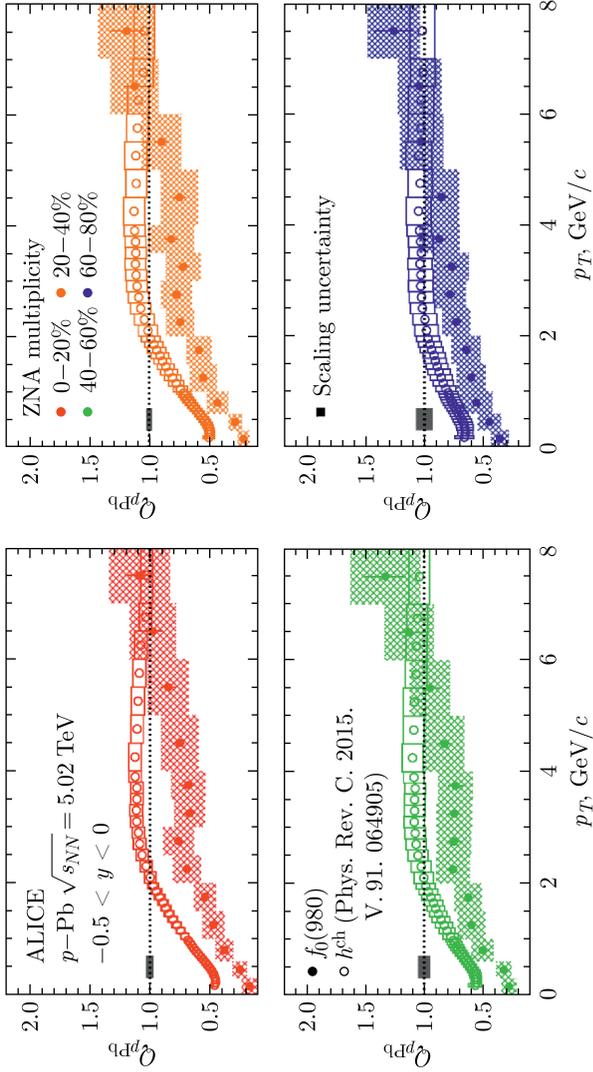

Рис. 8. Фактор ядерной модификации Q_{pT} для f_0 и заряженных адронов [38] как функция p_T в p -Pb-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ для разных классов множественности

множественностью в событии. В столкновениях pp и p -Pb значения $\langle p_T \rangle$ для K^{*0} растут быстрее с увеличением множественности, чем в столкновениях Xe-Xe и Pb-Pb. Одним из возможных объяснений может быть эффект пересоединения цвета между струнами, образующимися в многопартонных взаимодействиях. Отношение K^{*0}/K для различных сталкивающихся систем демонстрирует плавную эволюцию с множественностью и не зависит от системы столкновений. Наблюдаемое уменьшение отношения можно объяснить перерасеянием продуктов распада мезона внутри адронной фазы. Среди моделей HRG-PCE дает лучшее согласие с данными. Нижняя граница времени жизни адронной фазы, оцененная с помощью этих соотношений, плавно возрастает с увеличением множественности и достигает ~ 5 фм/с при максимальной множественности. Для pp -столкновений при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ отношение $K^{*\pm}/K$ при наибольшей множественности ниже значения при наименьшей множественности (на уровне $\sim 7\sigma$), что представляет собой первое свидетельство подавления K^{*0}/K , измеренное в pp -столкновениях. Модель EPOS-LHC обеспечивает хорошее согласие с данными измерений. Для pp -столкновений при $\sqrt{s} = 13$ ТэВ имеется намек на рост отношений $\Sigma^{*\pm}/\Lambda$ и Ξ^{*0}/Ξ с увеличением множественности. Для $\Sigma^{*\pm}$ это может быть признаком преобладания регенерации над перерасеянием. Модели EPOS-LHC и PYTHIA8 (с *core shoving*) предсказывают небольшое увеличение соотношений. Отношения $\Sigma^{*\pm}/\pi$ и Ξ^{*0}/π демонстрируют плавный рост с увеличением множественности и согласуются с предыдущими результатами для отношений гиперонов к пионам. EPOS-LHC и PYTHIA8 (с *core shoving*) предсказывают рост отношения с увеличением множественности для этих резонансов. В p -Pb-столкновениях при $\sqrt{s_{NN}} = 5,02$ ТэВ подавление f_0/π указывает на эффект перерасеяния, который в основном влияет на выход при низком значении p_T . Отношение дифференциальных p_T -распределений f_0/π не демонстрирует характерного роста отношения барионов к мезонам, что указывает на структуру с двумя составляющими кварками для резонанса f_0 . Фактор ядерной модификации Q_{pPb} для f_0 не показывает усиления, подобного крониновскому, что позволяет предположить, что f_0 состоит из двух кварков.

Работа проведена в рамках выполнения государственного задания НИЦ «Курчатовский институт».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Workman R. L. et al. (Particle Data Group)* // Prog. Theor. Exp. Phys. 2022. V. 2022. P. 083C01.
2. *Acharya S. et al. (ALICE Collab.)* // Phys. Rev. C. 2019. V. 99. P. 064901.
3. *Abelev B. et al. (ALICE Collab.)* // Eur. Phys. J. C. 2012. V. 72. P. 2183.
4. *Abelev B. et al. (ALICE Collab.)* // Phys. Rev. C. 2015. V. 91. P. 024609.
5. *Adam J. et al. (ALICE Collab.)* // Eur. Phys. J. C. 2016. V. 76. P. 245.

6. Adam J. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2017. V. 95. P. 064606.
7. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2019. V. 99. P. 024906.
8. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Lett. B. 2020. V. 802. P. 135225.
9. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Ibid. V. 807. P. 135501.
10. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2020. V. 102. P. 024912.
11. Abelev B. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2021. V. 81. P. 256.
12. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2022. V. 106. P. 034907.
13. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2023. V. 107. P. 055201.
14. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2023. V. 83. P. 540.
15. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2024. V. 109. P. 014921.
16. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2021. V. 81. P. 584.
17. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Lett. B. 2022. V. 828. P. 137013.
18. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2024. V. 109. P. 044902.
19. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Lett. B. 2023. V. 846. P. 137644.
20. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Lett. B. 2024. V. 853. P. 138665.
21. Abelev B. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2015. V. 75. P. 1.
22. Adamova D. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2017. V. 77. P. 389.
23. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // J. High Energy Phys. 2024. V. 5. P. 317.
24. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2023. V. 83. P. 351.
25. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2019. V. 99. P. 024905.
26. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2020. V. 80. P. 160.
27. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Ibid. P. 693.
28. Abelev B. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Lett. B. 2013. V. 727. P. 371.
29. Knospe A. G. et al. // Phys. Rev. C. 2016. V. 93. P. 014911.
30. Vovchenko V., Donigus B., Stoecker H. // Phys. Rev. C. 2019. V. 100. P. 054906.
31. Motornenko A. et al. // Phys. Rev. C. 2020. V. 102. P. 024909.
32. Pierog T. et al. // Phys. Rev. C. 2016. V. 92. P. 034906.
33. Skands P. Z. // Phys. Rev. D. 2010. V. 82. P. 074018.
34. Skands P. Z. et al. // Eur. Phys. J. C. 2014. V. 74. P. 3024.
35. Flensburg C. et al. // J. High Energy Phys. 2011. V. 8. P. 103.
36. Bierlich C., Gustafson G., Lönnblad L. // Phys. Lett. B. 2018. V. 779. P. 58.
37. Acharya S. et al. (ALICE Collab.) // Eur. Phys. J. C. 2020. V. 80. P. 167.
38. Adam J. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Rev. C. 2015. V. 91. P. 064905.
39. Adam J. et al. (ALICE Collab.) // Phys. Lett. B. 2016. V. 760. P. 729.